

Рут Райхль покидает «Нью-Йорк Таймс»

НА ПРОШЛОЙ неделе критик-ресторановед «Нью-Йорк Таймс», всемогущая Рут Райхль, объявила, что уходит из газеты, с тем чтобы стать главным редактором журнала «Гурмэ». Администрация нью-йоркских ресторанов может наконец перевести дыхание — пять с половиной лет Рут Райхль держала в постоянном напряжении этот самый надменный в мире клан. Метод ее работы заключался в том, что она, загримировавшись до неузнаваемости или замаскировавшись иным способом, могла нагнать инкогнито в самый дорогой ресторан, а потом разнести его в «Нью-Йорк Таймс» за снобизм и двойные стандарты в подходе к разным клиентам.

Наиболее знаменитым ее обзором стала статья об «Але Сэра», исключительно фешенебельном заведении, в котором сначала с ней обращались как с ничтожеством, а узнав — только что не забросали трюфелями. Именно в этом материале Рут Райхль провозгласила свой манифест: рестораны, считающие, что они обслуживают только моделей и миллиардеров, должны с тем же уважением относиться и к рядовому американцу.

Владимир КИРГИЗОВ

Сибиряк Евтушенко родился в Греции

НА ПРОШЛОЙ неделе «Британский комитет за возвращение мраморных скульптур Парфенона» распространил пресс-релиз. В сообщении говорится, что комитет получил послание от члена Европейской академии искусств и наук и почетного члена Американской академии искусств и литературы Евгения Евтушенко в поддержку усилий общественности по возврату мраморов Парфенона на родину, в Грецию. Послание прозвучало как реакция почетного академика на недавнюю резолюцию Европарламента с призывом к руководству Великобритания способствовать выдаче из фондов Британского музея всех элементов мраморного убранства главного храма греческой столицы.

«Все мы должны стать духовными колоннами возрождающегося Парфенона», — заявил поэт-академик. Ведь «Греция — это колыбель мировой культуры». Как считает Евтушенко, «каждый родился в Греции, даже русский, даже я, сибиряк».

Д.Б.

«Довгань-Холдинг» потерял лицо

ИЗВЕСТНЫЙ бизнесмен Владимир Довгань 11 февраля ушел с поста председателя совета директоров «Довгань-Холдинга», который был создан в прошлом году для организации и производства продаж спиртных напитков под маркой «Довгань». Ее учредителями стали сам Владимир Довгань, компания «Атлас-Капитал» и фонд «Спутник». Планировалось, что сам бизнесмен будет играть в компании роль «живой» торговой марки. Однако недавно Владимир Довгань пожелал заняться публичной политикой, и это вызвало осложнение отношений с другими представителями руководства холдинга. В результате Довгань был выведен из состава совета директоров компании, и у ее менеджеров теперь возникли проблемы с рекламой.

Андрей БОНДАРЕНКО

ПРОПАГАНДА ПО СИСТЕМЕ СТАНИСЛАВСКОГО

Независимая газ. — 1999 —
20 февр. — с. 9-10

Игорь Кириллов в условиях войн и военных конфликтов

Дмитрий Буторин

ИГОРЬ ЛЕОНИДОВИЧ, как известно, «проектом», с которого началась ваша телевизионная карьера, было сообщение о запуске первого искусственного спутника Земли в 1957 году. То есть военно-политическая тематика, одна из важнейших тем в жизни бывшего СССР, «преследовала» вас с первого дня вашей деятельности как диктора. Насколько вы, пришедший на телевидение с театральной сцены, оказались готовы к этому?

— Дело в том, что я дитя войны и хорошо помню Великую Отечественную: мне было девять лет, когда она началась, и тринадцать — когда закончилась. Мой отец был военный, прошел войну. Помню, еще до войны он был капитаном, учился в академии — у нас дома шли постоянные разговоры об обороне страны, о готовности защитить Родину.

Война на всю жизнь отложила отпечаток в моем сознании: моя Родина, страна, в которой я родился, должна быть всегда защищена от любого нападения. Если мы победили такого страшного врага, каким был Гитлер, то, естественно, и в дальнейшем должны заботиться об обороне. Поэтому, когда я стал работать на телевидении и мне приходилось так часто говорить о военной теме, — я был внутренне убежден, что мы правильно делаем, защищая свою Родину, свои интересы.

— Ваша ответственность была огромной — вы были фактически лицом и голосом Кремля, причем во времена во многом непростые: идеологический диктат, цензура, КГБ... Наверное, приходилось сталкиваться со многими трудностями.

— Я скажу вам удивительную вещь — у нас никогда не было особых проблем. Потому что действовали самоконтроль, самоцензура. Для меня все это пустые разговоры, что цензура была на телевидении, — никакой цензуры не было. Да, к стати, она была и невозможна в прямом эфире. Мы воспитаны были еще в послевоенное время и прекрасно знали, о чем можно говорить, о чем нельзя. Особенно важно было другое: говорить только о том, в чем ты на самом деле более или менее компетентен.

Тогда, в конце пятидесятых, на первом месте было радио, на втором — телевидение. Мы были более свободны, чем радио, мы позволяли себе больше. Кроме того, на радио единственное выразительное средство — это голос: интонации, паузы и прочее; на телевидении — извините, твоя физиономия, твои глаза. Они врать не имеют права. Если ты будешь лгать, изворачиваться — неискренность твою сразу заметят зрители, потому что телевидение — это рентгеновский аппарат, который разоблачает человека.

На телевидении главный цензор ты сам. Ты должен быть уверен в правде того, что говоришь. Если полного доверия к передаваемой тобой информации нет — использовать самоуспокоение, самогипноз; если угодно, систему

Станиславского. Поэтому во всех событиях, о которых мне приходилось сообщать, такую важную роль играют мои внутренние переживания, моя внутренняя оценка происходящего.

— Игорь Леонидович, расскажите поподробнее о некоторых конкретных исторических событиях.

— Я начну с Карибского кризиса. К Джону Кеннеди я относился с необыкновенной симпатией, как, наверное, и большинство — потому что это действительно был обаятельный человек. Хорошо я относился и к Хрущеву — в то время это был, после Сталина, совсем другой руководитель, и мы все чувствовали так называемую оттепель. Поэтому Карибский кризис

— это было искреннее, глубокое мое душевное переживание. Прежде всего за Кубу, потому что в 60-м году вместе с Юрием Фокиным мне довелось вести репортаж о первом пребывании Фиделя Кастро в Советском Союзе. Он вообще красивый мужик, с бородой, с усами, энергичный, и на фоне нашего достаточно пожилого Никиты Сергеевича он выглядел просто мальчишкой.

Кубинская революция для нашего поколения была романтика! Свобода! Янки, ноу! — и так далее. И когда наступил этот кризис, было очень тяжелое двойное восприятие: такой милый, такой обаятельный, такой стремящийся к улучшению отношений с Советским Союзом Кеннеди — и, как нам казалось, добряк, миролюбец, наш простой мужик Никита Хрущев — ну не может быть! У меня была уверенность в том, что этот кризис разрешится — наверняка мирным способом.

Мы еще не настолько ясно понимали, что такое ядерная война, что такое эти ракеты, которые могут взорваться — и от этого острова в течение нескольких минут ничего бы не осталось. И началась бы уже Третья мировая, на этот раз термоядерная война. Тогда еще не было программы «Время», были так называемые телевизионные новости (по-моему, они назывались «Последние известия») — большие 30-минутные выпуски, в которых мы на два голоса, как на радио, передавали сообщения.

В самый острый момент — это были два или три дня — казалось, то, что у меня было воспитано с детства, и то, что было пережито мной и моим поколением во время войны: страшное нежелание военных действий — и страстное желание защитить Кубинскую революцию. Я понимаю, что это не наша Родина, но это наши братья, и не только «по классу» — это родственные души. Искреннее переживание

было двойное: не допустить этой страшной войны — и в то же время не унизить ни наших братьев, ни себя перед «агрессивной империалистической Америкой». И когда кризис разрешился — искренняя радость, облегчение, сравнимое с переживаниями сорок третьего года, когда после Сталинграда, после Курской дуги возникла настоящая всеобщая вера в победу, и знакомая, прошедшая через всю жизнь уверенность и гордость за нашу армию.

— Кроме кризисных моментов истории, были и «текущие события» с военным уклоном: военнопатриотическая пропаганда, учения, парады. Какое участие вы, Игорь Леонидович, принимали в освещении этих событий?

— Самое непосредственное. Мне приходилось делать немало передач из частей всех видов войск. Мы делали такие передачи 23 февраля на передвижных магнитофонах ПТС с огромными кадрами, которые нельзя было монтировать электронным, а только ручным, механическим способом, склеивая кадры. Репортажи мы вели вместе с тем же Юрием Фокиным: он был обычно «номер один», я — «номер семь». «Первый, первый, я седьмой, иду в атаку!» Я в учебных боях ходил в атаке с танкистами, был морским пехотинцем, летчиком — кем только не был. Мы делали очень интересные репортажи.

Первое мая, Девятое мая, Сельмое ноября — все эти праздники я обязательно проводил на Красной площади, вел репортажи с военных парадов. Мой отец участвовал в парадах еще до войны, когда какие-то части проезжали на велосипедах... Теперь же по брусчатке Красной площади проходили танки — легкие, средние, тяжелые, страшные ракеты. И у меня возникало «безумное злорадство»: мне хотелось, чтобы крупным планом показали иностранных военных атташе; у них действительно были растерянные, испуганные глаза! Это мне придавало необыкновенную какую-то радость, уверенность. Нехорошее чувство, я боролся с ним всячески (смеется. — Д.Б.).

— Следующим сложным периодом, по-моему, была Чехословакия...

— Да. Год 1968-й. Хороший год в моей жизни. Тридцать шесть лет, расцвет сил, уже чувствовал себя профессионалом. И вдруг — события в Чехословакии.

Если вы помните, еще до того были события в Венгрии и ГДР. Германия, 1953 год — это все замалчивалось, мы знали это только по истории. Венгрия, 1956 год — тоже прошло мимо меня — а письма были очень теплые, хорошие... Люди, с которыми я дружил, потеряли веру в своего «старшего брата» — Советский Союз. Это была большая трагедия и для чехов, и для нас.

Так вот, 68-й год. Я как раз был в отпуске — это был последний отпуск перед тем, как меня назначили художественным руководителем; после этого у меня вообще отпусков не было. Я готовился к тому, чтобы после отпуска заняться непосредственно нашими проблемами. У меня была сетка всех наших каналов, как распределить людей, чтобы у каждого была своя передача. И вдруг — эти события.

Уже тогда нам было совершенно понятно, что есть правда для узкого круга и правда для народа. Эта неискренность очень мешала работать. Чтобы быть объективным и убедительным, нужна искренность. Если я говорю о серьезных вещах, связанных с положением в стране, народу нужна была правда. А правду-то и не разрешалось говорить. Можно было что-то прочитать между строчками, что-то донести через интонацию, что мы и старались делать в меру сил. Иногда получалось, иногда не очень. Но очень ограниченной была информация, которую мы получали, очень скудными были комментарии, поэтому события 68-го года впервые, пожалуй, всколыхнули во мне сомнения в той линии, которую вели партия, правительство, и сомнения эти были даже не столько с точки зрения идеологии, а скорее с точки зрения положения нашей страны в мире, внешнеполитических перспектив. Не слишком ли много мы берем на себя?

Я сразу стал проводить аналогии с 56-м годом, с Венгрией. Там тоже очень жесткие были приняты решения, и некоторые из руководителей, их принимавших, еще оставались на местах в партии и правительстве. Неужели недостаточно было венгерского урока для того, чтобы совершить такую ошибку в Чехословакии? Нет, конечно, я не могу сказать, что мы против нее протестовали, выходили на Красную площадь — ерунда все это! Большая часть мозга одобряла действия нашей страны; и только другая часть высказывала чисто человеческие сомнения, сомнения в смысле будущего, перспективы.

Я был в Чехословакии в 63-м году, снимал уроки русского языка для чехословацкой аудитории. Там у меня были друзья, потрясенные друзья. В Союзе дружбы, где меня принимали, все стремились к тому, чтобы русский язык учить не только в школе, а еще и через телевизор. Потом я был там еще раз, в 1965 году, по линии наших телевизионных связей. Я видел, как эти уроки шли по телевидению. Люди свободно говорили по-русски, а когда видели русского человека — лицо расплывалось в улыбку.

И когда начались эти события... Многие из моих знакомых в свое время прошли концлагерь, они знали, что такое война. Они знали, что такое советские войска, освободившие Прагу в 1945 году — ведь страна была жутко закабалена с 1938 года. И они перестали мне писать, мы перестали обмениваться поздравлениями — а письма были очень теплые, хорошие... Люди, с которыми я дружил, потеряли веру в своего «старшего брата» — Советский Союз. Это была большая трагедия и для чехов, и для нас.

Я выискивал в официальных сообщениях — у нас были сообщения, которые шли из Москвы и из Львова (некоторые людей мы посылали туда, ближе к «военным действиям») — слова правды, информацию о том, как все было на самом деле. Эти сообщения проходили через души тех, кто должен был говорить. (Окончание на стр. 10)

Игорь Кириллов со статуэткой Тэфи, полученной в 1998 г.
Фото Александра Шалгина (НГ-фото)

Да, пожалуй. Знаете, я не могу воспринимать откровенное политическое хамство в некоторых изданиях. Я с уважением буду относиться к любой самой радикальной позиции, даже националистической, но если она обозначена в цивилизованной форме. Вот, скажем, газета «Завтра», — кстати, газета не

ли одинаково: перестройка, реформирование партии... Я, кстати, до сих пор не отказался от идеи, что были пути иного развития ситуации внутри партии и в стране в целом, а не те, что мы имеем сегодня по факту с известными, печальными на мой взгляд, по-

— Тревожное время.

— Да. Соглашаясь на новое назначение, я оговорил возможность летом съездить в отпуск. В конце концов в начале августа я все-таки уехал в Волгоград, где и услышал о путче. Через три дня я вернулся в Москву. Спу-

ня не брали на работу. Смотрели мою биографию, хватались за голову: «Побойся Бога! Ты же претендуешь на преподавательскую работу, собираешься выходить к студентам». Но зато это было прекрасное время для того, чтобы подумать, понять, что никому ничто в

дет, нежелательного тащит. У меня никогда не было желания делать большую политическую карьеру. Но всякий раз, если я куда-либо попадал, я руководствовался принципом: коли ты взялся, то делай на совесть. Не боги в конце концов горшки обжигают. Первый

1996 г. — «Российские регионы». Заместитель председателя комитета Думы по делам федерации и региональной политике.

ПРОПАГАНДА ПО СИСТЕМЕ СТАНИСЛАВСКОГО

(Окончание. Начало на стр. 9)

Не было полной искренности, когда я зачитывал строчки наших «совместных деклараций», хотя я себя пересиливал, убеждал в том, что это «действительно так». Сомнения сильно грызли душу — кроме всего прочего, у нас было очень много свидетельств очевидцев, которые нас очень горько разочаровывали, — как отнесся народ Чехословакии к этой акции. К этой оккупации.

Самое страшное слово для любого, особенно небольшого народа — слово «оккупация». И самое обидное, самое позорное слово — «оккупант». И когда русский солдат-освободитель в той же каске, на тех же танках из освободителя превращается в оккупанта — это позорно и страшно.

— Время было критическое, события разворачивались быстро. Столь же быстрой должна была быть и реакция телевидения. Не случилось ли в связи с этим каких-то накладок, казусов, неприятных историй?

— Был момент в августе 1968 года, когда нужно было прочитать сообщение, которое шло прямо с телетайпа, — мы хотели опередить радио. Это было совместное коммюнике, декларация, подписанная Прагой и Москвой. Шесть частей. Когда мы вышли в эфир, четыре части пришло. И мы вышли в эфир, думая, что «идут» пятая и шестая. И тут — пауза.

А я в эфире. Я заканчиваю четвертую часть. Я покрываюсь холодным потом. Мы вышли на две минуты раньше радио — это же бесконечное соревнование, кто первый!

В ТАССе всегда указывается — «Шесть частей». Я замедляю темп речи и лихорадочно ду-

маю, что мне дальше делать. Паузу делать нельзя. Тогда я скажу: «Повторяю» — и начну с начала. Успокоился. И вдруг вносит мне Юра Владев, наш редактор, пятую часть; шестой еще нет. Я ее читаю, к концу тоже замедляю темп... Главная — шестая часть, заключительная, в которой должно говориться, что все хорошо, все нормально, в дальнейшем — братская дружба... Но кто его знает, какие слова! И он мне приносит шестую часть, когда я уже заканчивал пятую. Больше на такие эксперименты мы, конечно, не шли.

— Случалось ли вам, Игорь Леонидович, сталкиваться с последствиями того, что вы были в различных ситуациях как бы «лицом и голосом» Кремля?

— Прошло три года. В начале 71-го года я был в Канаде. Мы знакомились с работой телевидения, полиграфической промышленности по линии ЦК Профсоюза работников культуры. Мы были в одной семье — очень милые канадцы, они близки к нам по характеру, да и по природе самой Канада близка к России. Очень хорошо, тепло принимали. Однажды принимал нас дома один наш друг. Пришел его родственник, по-русски даже говорил, — и подбросил мне книжечку. Я посмотрел.

Это были карикатуры на Брежнева, на наших руководителей: «Кровавый палач Брежнев» с топором в крови замахивается на Чехословакию. Карикатуры, которые в течение этих трех лет были собраны в одну брошюрку. Что смешно — это один и тот же стиль с тем, что делалось у нас, с тем, что было в 48-м году — «Тито — кровавый палач». Причем Брежнев был очень хорошо изображен, узнаваем. Хозяин, увидя, что

сделал его родственник, вырвал из наших рук эту книжечку, выбросил ее и прогнал этого родственника — из дома выгнал, представляете себе!

В то время мы не могли, например, поехать в Ванкувер, потому что там были бесконечные демонстрации, и как только узнавали, что приезжают русские из Советского Союза, устраивали и студенческие демонстрации, и прочее, и прочее. Короче говоря, шлейф последствий этой акции протянулся на долгие, долгие годы.

— А что вы могли бы вспомнить в связи с Афганистаном?

— Конец 79-го. Время пробежало быстро, незаметно. И вдруг принимается решение об участии советских войск в помощи афганскому правительству. Под Новый год.

Все хорошо. Все понятно. Но когда мне приходилось, например, сообщать об этом — а через два дня или через день я зачитывал поздравления советскому народу от ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и так далее, и там говорилось о миролюбивой политике... Это такой нонсенс был, понимаете! В первых числах нового года вся эта миролюбивая политика, о которой говорили только что под занавес кремлевских курантов, превратилась в самую настоящую — непонятную, неизвестную, как мы ее стали называть, — войну.

Мне нужно было опять себя переубеждать, внушать себе, что наше правительство, наша партия ведут правильную внешнюю политику, они правильно делают, что помогают братскому афганскому народу избавиться от бандитов и прочее, и прочее. Единственное, что мне помогало, это аналогия с тридцатыми годами, когда шла борьба с басмачами.

Я по фильмам (помните «Джужльбарс» — даже вы помните!) — для меня в детстве этот фильм знает что означал! Эти образы возникали перед глазами, и я старался использовать их для того, чтобы не лгать людям...

Если можно было бы сообщать об этих действиях, об этой политике бесстрастно — но нельзя быть совершенно бесстрастным. Потому что я знал, что за этим стоит несколько десятков, сотен, тысяч советских молодых ребят, солдат, которые ни за что погибнут там. Почему?! Это же дикая война! Это же война исполтишка — не то чтобы «А-А!» — топор на топор, меч на меч. Это же — когда накрывали снарядами, скажем, небольшие отряды наших солдат, совершенно не имеющих отношения к боевым действиям, тыловые войска и тому подобное... Уже тогда об этой войне мы много слышали. Так что и нам приходилось в то время очень трудно. Морально трудно.

И, конечно, было очень сложно оправдывать это. Но — приходилось, с помощью какого-то психологического самовнушения, с помощью аналогий.

И опять же, хочу вам сказать — поймете вы или нет — это очень сложный процесс: воспитанные с детства, до войны еще, во время войны, после войны — это были как бы гены; почти генетически — вы понимаете! — в нас было заложено понимание необходимости защиты

нашей Родины, необходимость постоянного вооружения, необходимость держать постоянно оружие наготове — вы понимаете! Это было как-то естественно.

Вспомните — умная, великая Маргарет Тэтчер была твердо убеждена и внушала всем: почему более тридцати лет в Европе нет никаких войн? Да потому что у нас есть ракеты, и каждый знает, что может последовать, если хотя бы один дурак нажмет кнопку: от Европы и от большей части Советского Союза в течение получаса-часа ничего не останется. Просто голое место. И понимание этого помогало, несмотря ни на что, говорить с уверенностью.

— Вы замечали какие-то признаки особого профессионализма в информации, которую вам подавали? Репортаж, специально подготовленный, профильтрованный журналистами в погонах с места боевых действий, — или была некая неповоротливость?

— Были четкие ограничения. Была военная цензура. Мы понимали, что не должны раскрывать какие-то виды оружия, это естественно. Это было еще до чехословацких событий — на аэродроме поднимались два истребителя-перехватчика МиГ-21. Тогда это еще были совершенно закрытые машины, мы их никому не продавали. Это была сказка, а не машина!

И прямо на наших глазах нам прервали съемку — наш режиссер даже истерику поднял. А ему говорят: «Понимаешь, у нас БОЕВАЯ тревога!» — «Какая боевая?» — у нас был режиссер такой, Миша Литовский. И мы видели, действительно: самолеты поднимались сбивать разведчика, который шел «в тени», за каким-то «Боингом». Вь-и-у! — и нет. Потом было официальное сообщение, орден «Красной Звезды» летчику.

И я хочу сказать, что репортажи, которые шли с места... Вам бы спросить у Лещинского Миши. Он был военный корреспондент в Афганистане, и все годы он был там с женой. Молодец! Были репортажи его, патристические, оптимистические, прославляющие нашу армию, — «все как положено». Это уже записи были, было уже «монтажное» время. Все вырезалось. Все, что могло скомпрометировать или показать какие-то негативные стороны.

Была единая и четкая линия, которую мы обязаны были поддерживать. Мы выходили на 12–16 часов раньше газеты «Правда». Наша информация должна была самой убедительной, самой точной. И это накладывало, конечно, отпечаток на верстку информационных программ и на работу Лещинского, которого я считаю героем.

— Существовало огромное количество неприятностей — мелкие поражения, аварии в армии, в космических полетах. Не о всех о них можно было умалчивать. Некоторые приходилось «подавать»...

— Я могу вспомнить гибель Волкова, Пацаева и Добровольского. К тому же все было на наших глазах. Тогда еще на Шаболовке был ЦУП (Центр управления полетом. — Д.Б.), и были приглашены родственники космонавтов, и на их глазах осуществлялась эта трагическая по-

Игорь Кириллов.
Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

сатка. Тогда, на глазах жены Волкова, его отца... Страшно.

После выполнения очень сложного задания все было хорошо... Мы не показывали это в эфир. Когда аппарат отлетал уже девяносто минут — после этого на девяносто восьмой минуте к нам приходил ТАСС: мы можем выходить в эфир. Мы тут же выходили в эфир, прерывая все передачи. (Хотя потом уже начали рисковать — передавать прямо с места старта.) Это была информационная политика — не беспокоить народ, не травмировать.

Но это был страшный случай. На глазах родных люди — это была разгерметизация — погибли, проходя через атмосферу.

Нет, ничего не скрывали. Всякие разговоры шли. Как у нас всегда, слухов было полно, что, мол, Волков был виноват в том, что закрыл не до конца люк. Точно никто из космонавтов мне в частных беседах не говорил об этом. После этого были введены новые гермошлемы, костюмы, так что даже в подобной ситуации люди не могли погибнуть.

У них похороны были на Красной площади. Я вел оттуда репортаж. Все это очень тяжело отразилось на моральном состоянии и космонавтов, и всего народа. Тогда очень любили космонавтов, боготворили их. Они действительно были народные герои.

Пожалуй, это было время, когда уже быстрее принимали решения о том, чтобы передавать все это через средства массовой информации. Объективно передавать. Правда, ни на кого не ссылались, говорили очень завуалированно: комиссия должна была разобраться, в чем дело. Но все-таки не скрывали правду.

— Была еще одна таинственная страница — сбитый корейский «Боинг». Как готовились сообщения об этом?

— В этом случае, 1 сентября, мы выручили и ТАСС, и наше руководство. То, что сейчас, через столько лет для всего мира стало ясно, открыто, доказано, — теперь мы знаем, что это все-таки был разведчик — эта информация своевременно вышла в эфир именно благодаря коллективу программы «Время».

У нас был Виталий Мирошников, выпускающий редактор, замечательный мой друг. Мы работали на партийных съездах, например, тяжелый был труд — «с колес» надо было выходить в эфир, переводить на русский язык иностранных гостей, излагать речи наших «великих деятелей». Именно он превратил потрясающую близость.

Первые тассовские сообщения пришли, уже не помню какого содержания, — и я «пошел в эфир» программы «Время». И вдруг приходит сообщение, в котором содержится наш извинения за ошибку. На меня это произвело очень тяжелое впечатление, вы понимаете! Ну как же наши могли убить гражданских людей!

И когда уже пошли «звонки» — ты знаешь, что уже «шапка» идет, заканчивается «шапка» — и он вбежал бледный как полотно, Виталик, и мне машет: снять первую информацию, не читать! И держит в руке: «вот что!». За несколько секунд до эфира он мне подает. Я смотрю... Ну, сколько у меня было — секунд семь, восемь. Обычно смотришь начало и финал, середину читаешь без подготовки — закон такой.

Все наоборот! Правильно сбили. Та информация, на доказательство которой ушло столько лет. Значит, чекисты правильно сработали, оперативно — и буквально за несколько секунд успели ее подать.

Благодарность даже получили и Мирошников, и я за такую оперативность.

Великие, но люди ФИГУРЫ И ЛИЦА

Субботнее приложение к «Независимой газете»
Выходит два раза в месяц

Ответственный редактор Олег Давыдов

Над номером работали:

Олег Мраморнов, Рустам Рахматуллин, Владимир Халтурин,
Екатерина Барабаш (ТВ), Антонина Крюкова (ТВ)

Корректур:

Нина Гайдукова, Светлана Игнатова

Компьютерная верстка:

Дарима Туратбекова, Надежда Романова, Екатерина Силаева,

Константин Федулов

Иллюстрации:

Елена Уманская, Сергей Бомштейн

Телефон редакции

924-94-42

©«Независимая газета»

©«Фигуры и лица»